Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ

НОВЫЙ ТИП ПРОГРЕССА

Реиндустриализация и мир науки

ВОПРОС индустриализации сегодня — это не вопрос возвращения к индустрии 1930-х–1950-х годов, не вопрос возвращения индустрии XVIII века. Это вопрос реиндустриализации, то есть восстановления индустриально-созидательного потенциала страны, обеспечивающего её самодостаточное возрастающее развитие.

Классическая индустриальная цивилизация предполагала, что основная часть рабочей силы страны сосредотачивается в индустрии, меньшая — в сельхозпроизводстве. И остаточная — в сфере производства знания.

Приходящая ей на смену постиндустриальная цивилизация предполагает, что в индустрии остаётся порядка 10% работающих, в сельском хозяйстве — 1–2% работающих, а остальные — в "сферах постиндустриального производства". И здесь возникают как минимум две проблемы. Первая — проблема существования островов постиндустриальной цивилизации в среде отстающих от неё стран. Вторая — проблема, собственно, внутреннего развития постиндустриального социума.

ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

В первом случае суть, говоря кратко, в том, что полная постиндустриализация предполагает "выведение человека из непосредственного процесса производства и постановку над последним в качестве организатора и контролёра", то есть такое положение вещей, когда, с одной стороны, каждому человеку будет предоставлен сложный труд, требующий самостоятельного принятия решений, а с другой — весь примитивный, инструктивный труд будет передан технике и электронике. Частичная постиндустриализация, осуществлённая сегодня в ряде экономически ведущих стран, подошла к порогу такой возможности, но через него ещё не переступила. Современное мировое производство построено так, что для граждан западных стран уже находится место в сфере сложных видов деятельности, но простые, неквалифицированные виды труда передаются как технике, так и жителям стран третьего мира, а также — выходцам из него, приезжающим в развитые страны. Смысл этого разделения в том, что виды труда, оправдывающие высокую оплату, предоставляются "своим", не оправдывающие — "чужим". Это так называемая модель новой зависимости, деление мира на "страны-фабрики" и "страны-лаборатории", обеспечивающее подпитку ведущих стран дешёвой рабочей силой периферии.

Во многом за счёт этого США развивались в последнюю треть XX века, но уже во второй половине 1980-х оказались на грани кризиса. При Клинтоне, после стремительного поглощения ресурсов и экономики стран Восточного блока, США расцвели, но уже в 2000-е годы стало ясно, что модель себя исчерпывает, — нужны новые регионы. Теоретически их было два: исламский мир и Китай. Но попытка взять под контроль первый обернулась хаосом и серией войн, а второй к этому времени именно на внешних капиталовложениях так развился, что стал опережать в производстве саму метрополию. То есть повторилось то же самое, что когда-то произошло в отношениях со "своими" рабочими: объект эксплуатации в процессе эксплуатации стал сопоставим по силе со своим эксплуататором.

Американские вложения капиталов и технологий в другие страны стали основой кризиса так до конца не сформировавшейся однополюсной модели. Потому что именно эти капиталовложения создали новые центры силы, претендующие на раздел с метрополией мира, власти и влияния.

Оформился вопрос, на который Трамп пытался дать ответ: почему американские деньги должны работать на усиление конкурентов США, и почему при этом должно развиваться производство в странах-конкурентах, но деградировать в США? Он и дал ответ: деньги США не должны работать на конкурентов.

Одна из основ его электората — рабочий класс Америки. И он хотел дать этим людям работу и былое рабоче-аристократическое существование. Отсюда, как естественно мыслящий капиталист, он приходил к выводам:

— американские деньги должны развивать американское производство, то есть, капиталы нужно вернуть в Америку;

— Америка должна возродить свою промышленную мощь;

— не Америка должна покупать продукты промышленного производства других стран, а другие страны должны покупать продукцию американского производства;

— если сразу этого сделать нельзя, то за право получать прибыль от продажи своих товаров в Америку другие страны должны платить, а именно — платить своей лояльностью за право получать прибыль от торговли в Америке. И то, что можно, покупать не у других стран, а у Америки.

У США есть капиталы, есть основа для промышленного доминирования; есть армия, чтобы принуждать особо нелояльных, и есть возможность перестроить отношения в мире по тому критерию, по которому всё и делится: по силе и по капиталу.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПРОЕКТ: ПЕРВАЯ ПРЕТЕНЗИЯ НА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ

Суть второй проблемы и возникающего выбора — в том, что именно рассматривается как "постиндустриальная сфера", то есть сфера, находящаяся за пределами аграрной и индустриальной: сфера "производства услуг" или сфера "производства знания".

Октябрьская революция, в производственно-цивилизационном плане, — это революция производственной модернизации. К 1917 году Россия застряла на этапе перехода из аграрной фазы в фазу индустриальную. К 1913 году промышленный потенциал России составлял примерно 10% от потенциала США, в промышленности было занято менее 10% трудоспособного населения.

Именно поэтому одно из первых стратегических начинаний большевиков — чисто технократическое решение: хрестоматийный План ГОЭЛРО. В каком-то смысле партия большевиков оказалась единственной в России партией промышленной модернизации, самой технократической партией России. Практически все остальные партии выступали либо за сохранение статус-кво, либо за те или иные перераспределительные проекты — проекты перераспределения власти, ресурсов или полномочий. По сути, кроме собственно большевиков никто ничего созидательного вообще не предложил.

В этом отношении октябрь 1917-го — это рубеж форсированного перехода к индустриальному развитию, и, что ещё более важно и что проявилось в проекте электрификации, это была претензия на постиндустриальный прорыв, каковым в известной степени является переход от "века пара" к "веку электричества". В научно-техническом плане это была попытка создания в России производства, в котором "наука превращалась в непосредственную производительную силу". Что из этого удалось сделать на практике, а что не удалось — отдельный вопрос. Важно то, что была сделана попытка глобального технического прорыва — практически первая в истории. Кстати, если в 1913 году объём промышленного производства России составлял 10% от промпроизводства США, в 1960 году в СССР он составлял уже 55%, а в 1985 году превысил 80% промышленного производства Соединённых Штатов. Отставание не было ликвидировало полностью, но это означало, что в среднем за годы Октябрьского проекта индустриальное развитие СССР шло в восемь раз быстрее, чем в Америке.

К 1917 году в России стояла проблема завершения перехода к индустриальному обществу. Однако, с одной стороны, она в самой России уже в значительной степени находилась в процессе решения, а с другой — в ведущих странах уже была решена. Наряду с вопросом завершения этого перехода эпоха содержала новую цивилизационную проблему последующего прорыва к "постиндустриальному обществу", в политической форме ставшую борьбой за социальную демократию, социальное государство и политическую организацию постиндустриального информационного общества.

Сталин достраивает индустриальное общество в социалистическом варианте и создаёт плацдармы постиндустриального в виде высокотехнологичных, наукоёмких производств и технократической организации управления.

Победа 1945 года становится победой порядка, основанного в 1917 году. Откатная фаза теперь может осуществляться только в его рамках. Хрущёвский период становится отказом не от него, а от некоторых позиций второй наступательной волны.

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕГРЕСС

В 1960-е годы в СССР класс работающих по найму, взявший после 1917-го в свои руки собственность и власть, начинает делиться на распоряжающихся ими и на абстрактно обладающих. К концу 18-летнего правления Брежнева общество устаёт от господства высшей оргократии. Оргократия хочет целиком получить доступ к власти, а интелториат готовится к конкуренции с ней.

Это борьба между новыми составляющими старого социального субъекта — пролетариата, победителя первого этапа революционной эпохи. Завоевав господство, он начал разделяться на производные: интелториат и оргократию. Борьба шла за тот же предмет: кто станет историческим преемником прежней победы.

Интелториат — в первую очередь, интеллигенция и квалифицированные рабочие, — лишь смутно ощущая свои нарождающиеся интересы ведущего класса постиндустриального общества, ещё не могут их сформулировать и ведут борьбу, первоначально апеллируя к логике и идеалам революции 1917 года, первой наступательной фазы.

В 1990-е годы конвертация оргократией власти в собственность не решала проблем производства. С одной стороны, этот слой не был заинтересован в переходе в постиндустриальную эпоху, поскольку сам является функцией управления индустриальным производством. Переход к информационному производству шаг за шагом упраздняет эту функцию, реализуя её другими цивилизационными способами.

Поэтому, во-первых, само производство консервировалось в индустриальной фазе; во-вторых, развитие получали, прежде всего, добывающие отрасли, центром производства вновь стал ТЭК; в-третьих, экономика оказалась построенной на проедании и перераспределении советского наследства.

Нарождавшиеся постиндустриальные сферы оказались на вторых и третьих ролях и попали под удар экономических реформ. Интелториат, связанный с этим производством, оказался деклассирован, либо вынужден заниматься менее квалифицированными видами производственной деятельности, либо выброшен из производственной сферы.

В цивилизационном плане экономика страны оказалась отброшена в прошлое, был запущен механизм деиндустриализации, социального, экономического и исторического регресса. В первую очередь пострадали именно сферы производства, которые на предыдущем этапе обеспечивали лидерство в мировом производстве.

Истинным вопросом борьбы в нашей стране был вопрос о переходе к постиндустриальному обществу. Для интелториата оно — единственный вариант его полноценного существования. Для оргократии это общество означало хотя и приемлемый, но не приоритетный вариант. Поскольку её устраивал и старый вариант индустриального социализма, где она оказывалась реально господствующим субъектом, и вариант конвертации своей реальной власти в собственность.

Поскольку этот момент так и не был осознан, борьба развернулась вокруг вопросов прошлого: капитализм — социализм, частная собственность — общественная собственность, рынок — план. Политически она была направлена против господства высшей оргократии, реально правившей в условиях предыдущей фазы. Поскольку этот слой отождествлялся со старым, индустриальным социализмом, борьба против него стала в значительной степени борьбой не против устаревшей индустриальной составляющей социализма, а против социализма как такового.

Слом старой системы был обеспечен силой и энергией интелториата, не осознававшего своих истинных интересов. Но победа досталась конвертировавшей власть в собственность оргократии и активно содействовавшим ей криминально-буржуазным группам. Интелториату же досталась вся тяжесть издержек перехода, утрата социального статуса и роль неопролетариата в необуржуазно-криминальном обществе.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАВИСАНИЕ И ТРЕБОВАНИЕ ВОСХОЖДЕНИЯ

Путин электорально опирается на вызревшее требование восхождения. Он — носитель ожиданий функции завершения эпохи. То есть ожиданий собственного отрицания.

Это восхождение невозможно без выполнения запроса на реализацию в рациональной форме базовой идеи, лежащей в основе базовой революции. В нашем случае — идеи социальной демократии и политического устройства постиндустриального общества, то есть в первую очередь — реиндустриализации на новой технологической базе.

Старый путь развития в зависимости от того или иного сырьевого экспорта исчерпан. Отсюда выход на простой вывод: чтобы успешно развиваться, страна должна развивать своё производство.

Миллионы людей заняты на производствах, построенных на архаичных технологиях. Таким образом, выстраивается задача: создать экономику, которая обеспечит более высокие доходы, возможности для профессионального и карьерного роста.

Задача, которая давно должна быть в повестке дня, — это технологическая и промышленная революция. И тут есть два уровня, по которым возможна дискуссия.

Первый — принимаются ли эти установки как стратегические? Потому что в современной России большая часть политически активных групп вообще на уровне стратегических целей не мыслит. Политические группы и партии России ведут разговор не о стратегии развития, а о распределении власти.

Второй уровень обсуждения — это те пути и инструменты, с помощью которых можно решать данные задачи. Но для того, чтобы о них говорить, нужно определиться: признаются ли эти цели и задачи как главные?

России, конечно, нужна революция. Нужны перемены. У России сегодня слабая индустрия. Слабая, в сравнении с необходимым уровнем, армия. Так и не восстановленное даже до уровня РСФСР 1990 года производство. Деградирует сфера образования и науки. У власти находится во многом дефектная элита, не способная определять долгосрочные цели развития. В России малоэффективная система государственного управления. Дефектная политическая система. Разрушена одна и не создана другая мотивационные системы. Всё это очевидно. Как очевидно и то, что двадцать лет назад положение было ещё хуже. И пороки системы были созданы не в 2000-е годы, а раньше.

Всё это нужно менять. Причём ситуация такова, что, с одной стороны, все понимают, что изменения нужны, с другой — те, кто обладает объективной возможностью изменить существующее положение, либо на это не решаются, либо не знают, как это сделать. С третьей, представления о том, изменения какой направленности нужны, — противоположны.

Нынешнее состояние — состояние зависания. Процесс распада был приостановлен в начале 2000-х — в значительной степени благодаря Путину и путинистам разных фракций. Вопрос в том, чтобы не только не падать вниз и не только постепенно карабкаться вверх, но осуществить прорыв. Технологический, производственный, социальный, ментальный. Не имея современных технологий и современного производства, можно сколько угодно рассуждать и о правах человека, и о величии — всё это будет либо коллаборационистским оправданием прислуживания внешним центрам влияния, либо мечтаниями в послеобеденный час.

"Духовность" — это замечательно. Но всякая духовность только тогда чего-либо стоит, когда на её страже стоит современная армия.

Для производственно-технологического прорыва нужна другая организация экономики. Ориентированная не на быстрейшую и наибольшую окупаемость, а на программы развития, создание наукоёмкой продукции. То есть не на производство того, что можно быстро и выгодно продать, а того, что обеспечит создание нового производства.

И, если стоит цель создания нового производства, для него нужна не двухуровневая система образования, производящая магистров — для научных исследований, и бакалавров — для выполнения инструктивных задач, а производящая инженеров-специалистов, способных создавать новое производство и инициативно решать встающие в ходе его создания задачи.

Экономическое устройство современной России для обеспечения её восстановления и развития требует умения и возможности ставить долговременные цели, осуществлять стратегическое планирование, технологический прорыв и реконструкцию производства. То есть оно требует перехода от краткосрочной мотивации и краткосрочных стимулов, какими являются рыночные стимулы и мотивы, — к средне- и долгосрочным стимулам и мотивации. Это означает, что Россия экономически не может развиваться, не отказавшись от рыночной организации и не создав систему проектной экономики и стратегического планирования.

Нормализация деятельности производства и самого его создания и развития требует иной транспортной системы, чем та, которая есть в России. И дело не только в низком качестве шоссейных дорог. Задача полного освоения водных путей ставилась ещё в 1961 году. Из одного региона в другой самолёты летают подчас только через Москву, европейская часть страны связана с Дальним Востоком одной нитью железной дороги. Почти не используется Северный морской путь, хотя транспортировка из Тихоокеанского региона в Европу через него в несколько раз выгоднее транспортировки через Суэц и сама по себе может принести огромные суммы в бюджет страны. Не разработана и почти полностью забыта идея создания Среднесибирского железнодорожного пути по линии Свердловск — Тюмень — Якутск с дальнейшим раздвоением на Чукотку и на Владивосток, хотя это означало бы и освоение сегодня полуобжитых регионов, и заселение их, и создание приемлемой для комфортной жизни среды в новой зоне страны.

ПРОИЗВОДСТВО УСЛУГ ИЛИ ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЯ?

И здесь мы имеем ещё одну развилку — развилку в понимании и реализации общества полной постиндустриализации. Первый путь предполагает вариант "общества услуг", второй — "общества познания и созидания".

В первом случае действительно порядка 10% рабочих рук сосредотачиваются в сфере производства, в индустрии, 1–2% — в сельском хозяйстве, орудия труда для которого создаёт эта индустрия, а остальные — в сфере услуг.

Во втором случае также десятая часть работает в промышленности, ещё меньшая — в сельском хозяйстве, но добрые 85–90% создают для двух первых отраслей технологии, осуществляют научный и художественный поиск, создают новое знание и мотивирующие духовные и эстетические образцы, работающие на развитие человеческого стремления к возвышению.

Первый вариант социума в чём-то более прост и комфортен, но одна из его главных особенностей в том, что производство технологий и знания вынесено за его пределы. Страна, осуществляющая подобный проект, их не производит, а получает извне.

То есть, с одной стороны, она обречена быть несуверенной, поскольку в технологиях зависит от других стран, с другой стороны — она должна за эти технологии платить, то есть расходовать для их приобретения некий экономический ресурс, в результате снижая уровень жизни своего населения, поскольку вместо того, чтобы платить своим учёным и педагогам, она должна платить и чужим, а кроме того, и своим же перечисленным постиндустриальным паразитариям и торговцам.

В подобном варианте страна, избравшая этот путь, отказывается как от независимости, так и от развития, замещая развитие знания и производства развитием комфорта, причём уровень жизни паразитариев заведомо оказывается выше уровня жизни учёных, инженеров, врачей и педагогов, да и всех занятых в производстве.

Сегодня Россия не достигла и такого уровня, поскольку она подобные свои расходы минимум на треть покрывает даже не продуктами своего производства, а продажей своих ресурсов, направляя их не на полноценное развитие науки, образования, медицины и культуры, а на оплату жизни своих паразитариев.

ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО КАРДИНАЛЬНО ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПОДХОД К СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Технологическое лидерство предполагает опережающее развитие образования. Ускорение технологического развития страны требует производства соответствующей рабочей силы. То есть требует образования, нацеленного на обеспечение прорыва в производстве.

Следовательно, это образование не может быть таким, каким оно является в странах, не нацеленных на технологический рывок.

Отсюда первое, что должна сделать Россия для обеспечения подобного развития, — покончить с Болонским процессом. Весь замысел Болонского процесса заключается в унификации образования и обеспечении подготовки специалистов для нужд стран Западной Европы, с их типом и уровнем технологического развития, на сегодня не ставящего задачи технологического прорыва.

А задача России — готовить специалистов для своего производства, требующего обеспечения технологического прорыва. Последнее ждёт специалистов, обладающих нестандартным мышлением, ориентированных не на воспроизведение имеющихся подходов и решений, а на производство новых. Значит, второе, что необходимо сделать для обеспечения образования такого типа, — это быстро и решительно разорвать с затеей ЕГЭ.

Опять же, если не останавливаться на всей палитре доводов в пользу отказа от ЕГЭ, это нужно сделать по двум основным причинам.

Первая: сам ЕГЭ — как раз элемент системы унификации. Будучи построен на примитивно-тестовой проверке "натасканности" на заданные ответы, он не рассчитан на выявление наиболее подготовленных и способных.

Вторая причина: система приёма на основании ЕГЭ практически исключает отбор вузами тех, кто наиболее подходит и подготовлен именно под требования данного университета, существующих в нём научных школ.

И самое важное — то, что постоянно игнорируется носителями власти при любом разговоре об образовании: деньги. В царской России бюджеты земств предполагали выделение не менее 20% на нужды образования. Готова власть сегодня 20% бюджета выделять на образование? Если не готова, она должна забыть про все свои претензии на технологическое лидерство.

Студент будет качественно учиться тогда, когда будет видеть перед глазами образцы успеха, обеспечиваемого знаниями и учёбой.

Первое, что он должен видеть, — это успешность своего преподавателя. И в СССР, и в западных странах получение права после окончания вуза остаться в нём преподавателем было одной из наиболее желаемых вещей.

Студент не будет уважать преподавателя, если не будет видеть в нём олицетворение успеха. Есть вузы, в которых преподаватели получают совсем мало. Есть те, где получают чуть больше. Но, во-первых, практически нигде преподаватель не получает в пересчёте столько, сколько получал в советское время, а, во-вторых, даже там, где он получает несколько больше, он получает это "больше" не от государства, а за счёт коммерческой деятельности вуза. Но важно, какова государственная оплата и оценка преподавательской деятельности. И если она находится на нищенском уровне, с какой стати преподаватель должен уважать данное государство и оказывать содействие в решении его приоритетных задач? А главное — уровнем своей материальной обеспеченности он, в таком случае, будет демонстрировать студенту: не нужно учиться. Потому что те, кто учит вас, не способны сами обеспечить себя.

Рисунок Василия Проханова «Пластическая деформация»

С другой стороны, государство ставит студента с самого начала учёбы перед выбором: либо знания, либо деньги. На советскую стипендию в 30–45 рублей можно было прожить. На сегодняшнюю стипендию в 1100 рублей прожить невозможно.

Если сегодняшняя российская власть всерьёз хочет технологического лидерства страны и развития образования, она должна создать для профессоров, преподавателей, сотрудников вузов и самих студентов уровень материального обеспечения как минимум на уровне советского. То есть примерно в пять раз выше нынешнего.

Россия никогда не восстановит для себя достойного места в мире, если не создаст для своих учёных и инженеров того положения, которое сделает их производителями энергии движения вперёд.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ КУРС

России нужно новое производство. Новые технологии. Новые материалы. Новая медицина. Развитие атомных отраслей. Освоение космоса. Биотехнологии. Новая транспортная система. Новое продовольственное производство. Информационные технологии и робототехника. Общественная самоорганизация граждан и специалистов. Новый тип стимулов к труду и новый характер труда. Восстановление культуры. Нужна осмысленность существования.

России нужна структура экономики, при которой 1–2% трудоспособного населения будут заняты в производстве аграрной продукции, достаточной, чтобы прокормить всю страну, 10% будут заняты в традиционном промышленном производстве, которое обеспечит материальные потребности населения и нового производства. Но только если при этом 90% населения заняты в производстве новых знаний и технологий, позволяющих первым двум группам обеспечить материальные потребности общества.

Войти в мировое разделение труда на равноправных началах она может, только перейдя к участию в нём в постиндустриальной сфере, там, где у неё остаются технологические заделы и где она обладает ресурсами. То есть перед нами выбор: либо быть источником сырья и рабочей силы, либо совершить прорыв в новую технологическую эпоху. Единственным способом осуществления такого прорыва является мобилизационный курс, подчиняющий внутренние ресурсы этой задаче.

Технологические основы производства претерпели революционные изменения. Наука всё более превращается в непосредственную производительную силу. Основным участником производительного процесса всё более становится не фермер и индустриальный рабочий, а производители информации: учёные, программисты, технологи.

Именно к такому должна переходить и Россия. А для этого нужен, прежде всего, технологический прорыв и создание новых современных производств. И, соответственно, волевая аккумуляция и концентрация средств и ресурсов на ключевых направлениях развития, на прорывных участках. То есть в первую очередь — отказ от рыночной мифологии и создание пострыночной экономики.

ПУТЬ К УСТОЙЧИВОСТИ — УХОД ОТ ЭКСПОРТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Большей частью все состоявшиеся или намечающиеся кризисы приходят не из России, а извне: где-то кто-то ведёт свою экономическую игру, а страдает Россия.

Дело даже не в нефтегазовой зависимости как таковой. Допустим, Россия массово поставляла бы на экспорт лучшие в мире автомобили, компьютеры и нанотехнологии. И мировая экономика тоже начала бы обваливаться. Выросла бы в мире закупка автомобилей, компьютеров и нанотехнологий? Нет, она бы всё равно упала. И в России тоже был бы кризис.

Значит, риск не в том, что Россия сегодня зависит от экспорта нефти и газа, а в том, что она зависит от экспорта вообще. От экспорта получает большую часть доходов. Причём такую, что при их сокращении лишается жизненно необходимых средств.

То есть дело не только в том, чтобы вместо продажи нефти за рубеж продавать туда продукты высоких технологий, а в том, чтобы самим производить для себя столько, чтобы экспортную выручку иметь лишь как приработок, а не источник основных доходов.

Нельзя делать экспорт основным источником дохода. Если мировая экономика подвержена приступам безумия, нужно ограничивать свою интеграцию в это безумие.

Нужно строить экономику так, чтобы даже при потере экспортных доходов уровень жизни своей страны сокращался лишь незначительно, а основные продукты, потребляемые гражданами, производились самой страной.

Все, кто имел длительные реальные контакты с Западом в период предыдущего глобального кризиса, утверждают, что тогда страны с экспортной специализацией пострадали намного больше, чем Россия, и удар по потребителю был там куда болезненнее, чем у нас, при всей нашей нефтезависимости.

Да, конечно, нефтегазовую ориентированность России нужно менять. Но, опираясь на то, что есть.

У нас достаток в топливе, в сырье. Определённое перепроизводство полуфабрикатов, например, стального проката. Мы имеем пока не используемые заделы ещё советских и часть нынешних российских научно-технических разработок. Имеем свободную рабочую силу. И огромные финансовые золотовалютные резервы.

Но экономика РФ ориентирована на внешний рынок: носители и сырьё — туда, деньги и товары — оттуда. Собственные разработки лежат, полузабытые. Систему нужно упростить и при этом усовершенствовать: в своей стране соединять энергию, сырьё, технологии, рабочую силу и деньги. Спад внешнего спроса уравновешивать не спадом внутреннего производства, а его наращиванием. Не нужно снижать производство стали при спаде спроса на неё в мире. Нужно её использовать для наращивания строительства своих заводов, выпуска своих станков и машин.

ЧЕЛОВЕК ИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА И НОВЫЙ ТИП ПРОГРЕССА

Индустриализация как таковая, как цивилизационное явление, означает развитие особого типа сознания, мироощущения. Человек индустриального мира видит окружающее как познаваемое, с одной стороны, и доступное преобразованию — с другой.

То есть его отношение лишено подчинения трансцендентной детерминированности, он ощущает свою возможность изменить окружающий его мир, и в то же время он лишён готовности этот мир изничтожать в рамках создания своей альтернативы существующему. Он твёрдо ощущает в своём отношении к миру как подвластность этого мира созидательной деятельности человека, так и "неслучайность", обоснованность имеющегося состояния мира для своего преобразования, требующего расширения познания.

Мир индустрии возникает благодаря Миру науки — развитию познания, но он в своём развитии требует и производит новое познание по знакомой в основе формуле:

Мир науки → Мир индустрии → Мир науки = феномен Индустриализации, за которым следует Мир науки* → Мир индустрии* → Мир науки** = феномен Индустриализации* или Реиндустриализации*

Носитель этого типа сознания — человек индустриального мира — создаёт тем самым основу нового типа Прогресса — Вертикального Прогресса, когда движущей силой его становится не стремление к Насыщению, Развлечению и Комфорту (НРК-Прогресс, или традиционный Прогресс), а стремление к Познанию, Созиданию и Преобразованию (ПСП-Прогресс, или Прогресс Возвышения).

Таким образом, меняется и роль человека в социуме: от роли обречённого на подчинение придатка производства — до роли демиурга, субъекта "ре-Творения" мира, а сам человек, существующий в своей двуполюсности физиологического и романтического, сохраняя биологическое начало, преодолевает рубеж ограничения физиологическим, достигая, метафорически говоря, состояния гегелевского единства "в-себе и для-себя" абсолютного духа.

В этом отношении Индустриализация* как Реиндустриализация, то есть процесс расширенного производства и воспроизводства знания о мире и человеческой возможности развивать мир, становится тем звеном в отношениях человека и культуры как "второй природы", благодаря которому мир сам становится элементом человека, но не как довлеющий над ним, а как ему подчинённый и его продолжающий и усиливающий.

Автор — доктор политических наук, профессор, действительный член Академии политических наук